

Гаврилюк Татьяна Владимировна
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
tv_gavrilyuk@mail.ru

Гаврилюк Вера Владимировна
Тюменский индустриальный университет,
г. Тюмень, Российская Федерация
gavriliuk@list.ru

Новый рабочий класс в социальной структуре современной России⁵⁹³

Аннотация. Социальная структура современного российского общества характеризуется принципиальными изменениями положения рабочего класса, который в течение столетий рассматривался в качестве протагониста общественных перемен и центра притяжения сил социального обновления. Современная интеграция рабочих в капиталистическую систему, переход к экономике шестого уклада, поражение социализма, глобальный переход к постиндустриальному обществу порождают феномен «нового рабочего класса». Концептуализация понятия «рабочий класс» сегодня является ключевой проблемой для решения вопроса о реальной структуре российского общества, динамике её развития.

Ключевые слова: рабочий класс; социальная структура; классовая структура; наемный труд; новый рабочий класс

Gavrilyuk Tatiana Vladimirovna
Industrial University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation
tv_gavrilyuk@mail.ru

Gavrilyuk Vera Vladimirovna
Industrial University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation
gavriliuk@list.ru

A new working class in the social structure of modern Russian Federation⁵⁹⁴

Abstract. The social structure of modern Russian society is characterized by fundamental changes in the position of the working class, which for centuries has been regarded as the protagonist of social change and the center of the social renewal forces attraction. The modern integration of workers into the capitalist system, the transition to a sixth-order economy, the defeat of socialism, the global transition to post-industrial society give rise to the phenomenon of a “new working class”. The conceptualization of the “working class” concept today is a key problem for solving the question of the real structure of Russian society, the dynamics of its development.

Keywords: working class; social structure; class structure; hired labor; new working class

⁵⁹³ Статья выполнена при поддержке гранта РФФ № 17–78–20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса современной России».

⁵⁹⁴ This research was supported by the grant of Russian Science Foundation No 17–78–20062 “Young people life strategies of the new working class in contemporary Russian Federation”.

Введение. Дифференциация социальной структуры постсоветского периода выдвинула в число приоритетных задач проблемы формирования среднего класса, интерес к этой тематике сохраняется в отечественной социологии до сего дня. При этом другие социальные группы, складывающиеся в период трансформации социальной структуры российского общества, остаются на периферии исследовательского интереса. Почти полному забвению предан классовый подход в изучении социальной структуры, произошла его замена на подход стратификационный. В мировой социологии классовый и стратификационный подходы к описанию, исследованию социальной структуры современного общества часто выступают как взаимодополняющие, а не противоположные. Единичными в современной российской социологии являются и работы, посвященные самой большой социальной группе наемных работников – рабочему классу, фактически само понятие рабочего класса исчезло из научного дискурса. Изменение его роли связано с принципиальными переменами в статусе рабочего класса, его социально-профессиональной дифференциацией, формированием новых взаимоотношений работодателей, собственников и рабочих. Сегодня вопрос о критериях, базовых признаках рабочего класса является нерешенной исследовательской задачей. Новой проблемой становится концептуализация понятия «новый рабочий класс», исследование социальных установок и жизненных стратегий его представителей, выявление основных моделей трудового поведения, уровня гражданской компетентности, а также форм его субъектности в сфере культурного производства и потребления. Важнейшей задачей становится теоретическое осмысление модели современной социальной структуры российского общества, выявление реального положения рабочего класса и его социальной роли.

Методы исследования. Теоретические подходы и методы исследования подкреплены авторским эмпирическим материалом. Эмпирическая часть проекта включала количественные и качественные социологические методы: массовый опрос, опрос экспертов и биографическое интервью. Объектом массового опроса выступили молодые рабочие (15–29 лет), проживающие в Уральском Федеральном округе. В проекте использовалась целевая многоступенчатая выборка по четырем объективным критериям: возраст (три возрастные группы, соответствующие периодизации официальной статистики РФ: 15–19; 20–24; 25–29 лет); пол; место жительства; сфера занятости (реальный сектор экономики/сервис). Для количественного исследования были отобраны три города (Екатеринбург, Тюмень, Курган) и крупные сельские поселения региона. Общее число опрошенных – 1 534 респондента. Проведен опрос экспертов в количестве 100 специалистов и руководителей рабочей молодежи. В биографическом интервью принял участие 31 информант в соответствии с выбранными характеристиками объекта. Выбор в качестве объекта эмпирического исследования наемных работников из числа молодежи, занятых в разных секторах экономики, занятых как в производстве реального продукта, так и услуг – определяется

авторской позицией, согласно которой классовообразующим признаками являются содержание труда, владение собственностью и властные полномочия в организации.

Концептуализация понятия «новый рабочий класс»

Положение рабочего класса – группы, которая в течение долгого времени рассматривалась в качестве протагониста общественных перемен и центра притяжения сил социального обновления – принципиально изменилось в связи с глобальными преобразованиями мировой экономики конца XX века. Поражение социализма, постсоветская интеграция рабочих в капиталистическую систему, глобальный переход к постиндустриальному обществу и движение России в направлении экономики шестого уклада требуют заново осмыслить «рабочий вопрос». В мировой социологии необходимость переосмысления конвенционального классового подхода была осознана в середине 1990-х гг., в период глобализации и технологических инноваций, которые изменили социальную структуру, породили высокую дифференциацию современных обществ. Первые попытки введения понятия «новый рабочий класс» были предприняты еще в XX веке и были связаны с технологической революцией. Начало дискуссии об изменении статуса рабочего класса связана с реструктуризацией мировой экономики во второй половине XX века. Уже в 1960-х гг. появляется концепция «нового рабочего класса» как страты в промышленном рабочем классе, принципиально от него отличающейся [Mallet, 1963; Gorz, 1967]. Переход к высокотехнологичному производству, по мнению теоретиков постиндустриализма, должен был привести к появлению группы высококвалифицированных, интегрированных в организационную деятельность работников нового типа. Авторы концепции «нового рабочего класса» считали, что данные процессы приведут к расширению полномочий рабочих в сфере управления, контроля и организации труда, росту доверия между рабочими, менеджментом и собственниками предприятия на основе общности интересов, формированию у рабочих нового политического сознания. Однако последующие эмпирические исследования не подтвердили положения данной концепции, что привело к утрате понятием «новый рабочий класс» тех коннотаций, которые закладывали в него указанные авторы. В 1990-е годы произошел пересмотр концептуальных оснований исследования классовой структуры и из-за масштабных культурных преобразований – элиминирования ранее устойчивых ценностных иерархий, растущей индивидуализации потребительских практик и диверсификации жизненных стилей. Все эти факторы в совокупности позволили ряду исследователей говорить о распаде классовой структуры обществ в эпоху позднего модерна или постмодерна [Clark, Lipset, 1991; Pakulski, Walters, 1996]. Класс был признан термином, не способным более отражать реальные коллективные идентичности, и позиционировался на рубеже веков как «зомби-концепт» социальной теории [Beck, 1992]. Марксистская категория эксплуатации была заменена нейтральным понятием «социальное исключение», которое позволило уйти от обвинительного дискурса и переопределить классовые отношения, сосредоточившись на нехватке определенных

ресурсов у «исключенных» как следствия их индивидуальной жизненной ситуации. При этом неолиберальная политика и нео-менеджмент в западных странах формировали иллюзорную картину того, что ответственность за жизненные успехи и неудачи лежит исключительно на самом работнике. Вкупе с массовым упадком профсоюзов эта идеология привела к дезинтеграции рабочих сообществ и разоружению коллективных протестных движений. С другой стороны, информационные технологии снабдили менеджеров и владельцев предприятий новыми, более тонкими инструментами контроля, в то же время, увеличивая психологическое давление на работников ввиду возрастающей сложности производства, требующего большей внимательности и концентрации [Boltanski, Chiapello, 2007]. Растущее социальное неравенство и усугубляющиеся противоречия между собственниками капитала и топ-менеджерами, с одной стороны, и наемными работниками – с другой, возродили интерес исследователей к классовому подходу. В конце 1990-х гг. начинается новый период исследования классовой дифференциации, сопровождающийся пересмотром концептуальной матрицы и поиском новых языков описания и анализа. Современные подходы в исследовании классовых отношений возникли в Великобритании и США, когда на пересечении академической традиции и социально-политического активизма сложилось междисциплинарное поле «new working class studies» как дискуссионная площадка, нацеленная на решение практических социальных проблем [Linkon, Russo, 2016]. Участники этого исследовательского поля проблематизировали классическое марксистское понятие класса как позиции социальной группы в структуре властных иерархий, определяемой экономическими отношениями. Они расширили границы теоретических подходов в трактовке «класса», включив в него проблемы идентичности и жизненного стиля рабочих в изменившемся культурном пространстве, не отвергая при этом идеи материального базиса классовых структур. В то же время, категория класса утратила центральную позицию в дискурсе социального неравенства и, по существу, рассматривалась как рядоположенная с концептами гендера, расы, этничности и сексуальной ориентации. Работы предшественников, не учитывавших сложный мультикультурный состав рабочего класса, критиковались как устаревшие, не отвечающие изменившимся реалиям социальных отношений. Можно привести в качестве примера анализ проблемы производства границ внутри американского рабочего класса на основании расовых различий [Allen, 2006; Roediger, 2005; The wages., 2007] или феминистские исследования рабочего класса [Bettie, 2014; Zandy, 1993].

Инновационным подходом классового анализа в понимании воспроизводства механизмов социальной несправедливости становится теория интерсекциональности, центральной проблемой которой выступает пересечение и взаимное наложение разных форм дискриминации, усиливающих друг друга [Гаврилюк, Бочаров, 2018]. Изменения в характере идентификации социальных групп западного общества, все чаще осознающих свою принадлежность к рабочему классу [Malik, Barr и др., 2016], в свете

существенных экономико-политических перемен последних лет делают направление «working class studies» одним из наиболее востребованных и значимых в зарубежной социальной науке.

Иначе обстоят дела в отечественном дискурсе о социальном неравенстве. Понятие «рабочий класс» практически исчезло из российской социологии в постсоветский период из-за стремления дистанцироваться от марксизма-ленинизма как идеологической основы советской государственности. Теоретический поиск конца 1990-х – начала 2000-х гг. завершился описанием социальной дифференциации в терминах структурного функционализма и до сих пор остается в этих концептуальных рамках. Несмотря на присутствие понятия «класс» в отечественной социологии, классовый анализ социальной структуры заменен стратификационным. Даже широко употребляемый термин «средний класс» рассматривается как страта, а «рабочий класс», представляющий собой большинство населения, остается без имени или заменяется эвфемизмами – например, «базовый слой» в работах Т. И. Заславской [Заславская, 1997]. Рабочие как социальная группа, как дифференцированная профессиональная группа, а не как класс, сохраняются в качестве объекта эмпирических исследований, однако внимание традиционно сосредоточено лишь на работниках промышленного производства [Карханова и др., 2014]. При этом интерес научного сообщества к проблематике рабочего класса носит эпизодический характер, находится на периферии исследовательского поля. Учитывая высочайшую степень социального неравенства современного российского общества, неактуализированность классового анализа является парадоксальным фактом. Известно, что высокий уровень неравенства ведет к застойным явлениям в экономике, социальной стагнации, развитию рентных форм потребления, формированию деклассированных социальных слоев, росту прекариата и в целом социальной напряженности в обществе.

Подробнее процесс формирования актуального научного дискурса о рабочем классе в зарубежной социологии, его отличия от отечественных подходов к исследованию социального неравенства рассмотрены в нашей монографии [Молодежь., 2019: 8–95].

Период глобализации, радикального изменения капиталистического миропорядка постсоветская Россия проходила в условиях социального транзита, который закончился консолидацией властных иерархий особого типа. Перестройка секторов экономики идеологически базировалась на специфической форме неолиберализма и завершилась насильственной деиндустриализацией, стремительным ростом прекарного труда и распространением теневых (криминальных и полукриминальных) экономических практик. Сегодня небольшая группа владельцев крупной собственности использует основную часть государственных ресурсов, включая человеческий капитал [Тощенко, 2018: 22]. Факт роста социального неравенства в России в последнее десятилетие отмечают и зарубежные исследователи [Global Wealth., 2018: 159]. В нынешних социально-экономических условиях наиболее уязвимой группой является молодежь рабочего класса, чьи жизненные шансы

изначально ограничены и в условиях вышеописанных структурных ограничений становятся еще ниже. Эти проблемы в особенности касаются молодых работников сервисного сектора, не имеющих исторического наследия для формирования классовой идентичности и солидарности. В нашем эмпирическом исследовании выявлено, что для более чем 50 % молодых людей, принадлежащих к традиционному рабочему классу, идентификация с ним по-прежнему значима. А вот среди молодежи сферы сервиса с рабочим классом отождествляют себя лишь чуть более 30 % респондентов. Субъективная идентификация молодежи измерялась в нашем исследовании через оценки статусных признаков положения рабочего класса в современном обществе. Этот важнейший факт подтверждает, что процесс классообразования сегодня отражает особенности социального положения наемного работника. Идентификация со средним классом теряет у рабочей молодежи популярность. Коллективное самоопределение в качестве класса – ментальная конструкция, и если она отсутствует в массовом сознании, то и из общественного дискурса понятие «рабочий класс» просто исчезает. Между тем, современные исследователи подчеркивают значимость коллективной идентичности и процессов самоидентификации для существования устойчивой социальной структуры: «В США и Великобритании численность «субъективного» рабочего класса превышает долю «объективного» рабочего класса. В Германии численное соотношение «субъективного» и «объективного» рабочего класса примерно одинаково. Обращает на себя внимание обстоятельство, что в США и Великобритании, где доля материального производства меньше, чем в Германии, степень идентификации опрошенных с рабочим классом выше, чем в Германии» [Жвиташвили, 2013: 40–41]. В современной России ситуация с соотношением объективного и субъективного рабочего класса пока не выявлена, т.к. классовые признаки недостаточно актуализированы в научной дискуссии.

Рабочий класс сегодня не является гомогенным образованием, его социально-профессиональные группы значительно диверсифицированы, меняется социально-экономические и социокультурные признаки входящих в этот класс групп. Процессы социальной дифференциации более не рассматриваются российскими социологами в классическом марксистском ключе – через отношение к средствам производства. Сегодня этот критерий рассматривается наряду с характером труда, уровнем образования, квалификацией работника, его образовательным и социальным капиталом. Вышеизложенные теоретические аргументы позволяют утверждать, что марксистский подход в исследовании социально-классовых отношений, который сводит их к дуальной оппозиции, построенной на идее борьбы противоположности интересов, более не соответствует реалиям современного мира.

Анализ современного исследовательского поля позволил нам определить базовые критерии для отделения нового рабочего класса от других классов и стратификационных групп: отношение к собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда. Под новым рабочим классом

современной России мы понимаем группу наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся. Новый рабочий класс не является гомогенным образованием, его внутренняя дифференциация связана с влиянием таких факторов, как:

- форма найма, обуславливающая степень стабильности трудоустройства, наличие или отсутствие социальных гарантий (от постоянной занятости до нелегального precarious труда);
- сфера занятости (занятые по найму работники реального сектора экономики, включая товарное производство в сфере сельского хозяйства, и рабочие, занятые в сфере услуг); уровень доходов;
- степень рутинизации труда (от четко регламентированного, стандартизированного до обладающего той или иной степенью свободы в принятии решений);
- стиль жизни и культурный капитал (от групп, чей стиль жизни и культурные практики близки среднему классу до маргинализированных, социально исключенных групп) [Молодежь..., 2019: 111].

Новый рабочий класс, формирование которого еще не завершено в современной России, принципиально отличается от рабочего класса советского периода и не является реставрацией пролетариата конца XIX – начала XX века. Это определяется экономическими, политическими, социокультурными отличиями нового класса от предыдущих этапов динамики этого самого многочисленного слоя наемных работников. Для рабочего класса эпохи глобального капитализма исторический опыт революционного пролетариата начала XX века и идеология гегемонии советских рабочих являются лишь историческими примерами классовой идентичности, которые не могут быть основанием становления современного классового сознания и солидарности. Обозначим существенные отличия «нового» российского рабочего класса от «старого» советского:

1) Все рабочие СССР трудились на государственных предприятиях, право на труд и обязанность трудиться для граждан были закреплены законодательно, на уровне основного закона страны – Конституции. Подконтрольность трудовых отношений государству обеспечивала их стабильность, четкую регламентацию и нормирование оплаты труда, гарантии трудоустройства выпускников профессиональных учебных заведений. В России конца XX – начала XXI века все эти социальные нормы и гарантии для рабочего класса исчезли. Массовые невыплаты заработной платы в 1990-е годы стали первым признаком радикальных изменений трудовых отношений. Структурирование форм собственности в последние тридцать лет (государственной, частной, частно-государственной, акционерной и др.) закрепило положение рабочих на

этих предприятиях как слоя наемных работников, действующих по законам рыночной, капиталистической экономики, включая прекаризацию всех сфер наемного труда.

2) В СССР рабочий класс, как и все другие социальные слои, считался владельцем «общенародной собственности», в том числе природных ресурсов, промышленных предприятий и др. Такая идеология была призвана формировать «чувство хозяина» у каждого работника по отношению к своему месту работы и все ресурсам страны. Государственная политика в отношении рабочего класса, как наиболее сознательного и развитого слоя, была направлена на утверждение его ведущего положения – гегемонии. Именно этот класс выступал опорой государственной политики, её проводником среди всех других слоев населения. На протяжении десятилетий власть позиционировала себя как власть рабочих и крестьян, только на излете её существования в общественный дискурс стала внедряться идея общенародного государства. Современный наемный работник на предприятии не имеет даже этих символических властных полномочий, он лишен права и возможности участвовать в принятии управленческих и экономических решений в своей организации.

3) Социальный статус рабочего человека на протяжении всей советской истории поддерживался и укреплялся средствами массовой информации и популярной культурой (кино, театром, литературой). Героем произведений массовой культуры был ответственный, высоконравственный мастер своего дела – рабочий человек. Именно этот герой стоял на страже общегосударственных интересов, боролся сначала с врагами народа, затем с бюрократией, недалекими руководителями, а также безответственными «неумехами» в своей среде. Утвердившиеся для советского рабочего класса нормы, такие как коллективизм, взаимовыручка, наставничество, приоритет интересов предприятия, страны над личными потребностями, сменились сегодня идеями конкуренции, индивидуального успеха, карьеры, корпоративной преданности.

4) И, наконец, сегодня в соответствии с мировой практикой к новому рабочему классу следует относить наемных работников, занятых не только в промышленности, транспорте, строительстве, но и рабочих сервисных отраслей. Именно сервисный сектор для экономики новой России, как наиболее динамично развивающийся, хотя еще и не достигший уровня развитых стран, стал сферой оттока трудовых ресурсов из традиционного рабочего класса. Включение сервисных работников к рабочему классу является конвенциональным знанием зарубежной социологии. Так, например, С. Робертс сервисный сектор экономики (так называемые «MacJobs») рассматривает как основной вид деятельности мужчин рабочего класса [Roberts, 2012]. А. М. Шалев, рассматривая специфику статуса работников сферы обслуживания («menial services workers»), называет их постиндустриальным рабочим классом, выполняющим неквалифицированную и полуквалифицированную работу в сфере продаж, ухода, уборки, питания и развлечений [Shalev, 2008: 433]. Достаточно популярна точка зрения, позиция ряда исследователей, что современный рабочий класс состоит из

четырёх профессиональных групп: низших супервайзеров, низших технических, полурутинных и рутинных работников [Culture, class., 2009: 198]. В России пока встречаются лишь единичные апелляции к подобной трактовке: например, А. Ш. Жвйтиашвили (опираясь на работы Г. Эспринг-Андерсен и М. Сэвиджа) использует понятие «обслуживающий пролетариат», говоря о работниках, занятых рутинным ручным и неручным трудом [Жвйтиашвили, 2017: 12].

Таким образом, условия труда, формы гражданской активности, идентичность и стили жизни представителей нового постиндустриального рабочего класса кардинально отличаются от аналогичных характеристик рабочего класса индустриальной эпохи. Традиционный промышленный рабочий класс сегодня представляет собой лишь одну из подгрупп внутри него, и более не способен формировать смысловые основания коллективной идентичности данного сообщества в условиях доминирования неолиберальной экономики и идеологии. Наличие базовых критериев для выделения нового рабочего класса (собственность; власть, участие в управлении; профессия и характер труда) не исчерпывает отличия этого класса от других структурных элементов российского общества. В качестве гипотезы к числу таких различий можно отнести наличие в этой социальной группе особого набора ценностей, поведенческих паттернов, стереотипов и мифов, формирующих отличные от представителей других классов и групп жизненные стратегии. Результаты проведенного нами эмпирического исследования подтверждают наличие классовой идентичности молодежи нового рабочего класса как неотъемлемого элемента социальной структуры современного российского общества.

Теоретический поиск российской социологии конца 1990-х начала 2000-х годов опирался на идеи социальной стратификации, произошел окончательный отказ от социально-классового похода к описанию общественной структуры. Оправданный интерес к проблематике среднего класса, с которым общество того времени связывало демократизацию социальной и политической жизни страны, привел к не подтвердившемуся впоследствии выводу о его роли основы социальной структуры новой России [Беляева, 2001]. Некритическое объявление среднего класса основой российского общества, базовой частью его социальной структуры привело к размыванию критериев социальной стратификации, неопределенности модели социальной структуры. Невозможность четкого описания социальных страт и их взаимоотношений в транзитивном обществе лишь отчасти оправдывает исключение социально-классового анализа формирующейся социальной структуры. Однако теоретический поиск такой определенности неизбежен, необходим и проявляется в выявлении современных тенденций, трендов этих изменений. Новейшие исследования наемного труда и трансформации социальных взаимоотношений (З. Т. Голенкова), подтверждают вывод о неустойчивости, неопределенности социальной структуры, о незавершенности переходного периода и невозможности определить её окончательную модель. В обобщающей монографии «Социальное пространство российских регионов», подготовленной учеными ФНИИЦ РАН, представлены новые

формы наемного труда, новые социальные группы, сложившиеся и последние два десятилетия и новые тенденции в динамике социально-стратификационной системы общества. В современном российском обществе сложился новый социальный класс – класс собственников. По оценке социологов, к числу таковых относится 7 % населения нашей страны, остальные 93 % принадлежат к группе наемных работников. К 2015 г. доминирующей формой собственности стала частная собственность – 62 %, государственная и муниципальная занимают 27,7 %, еще 5,1 % относятся к смешанной российской собственности. Незначительная доля принадлежит смешанному российскому и иностранному капиталу – 4,3 % и еще 0,4 % принадлежат общественным и религиозным организациям [Социальное пространство.: 9–10].

В современной социальной структуре доминирующей группой остаются наемные работники, но не все они могут быть отнесены к рабочему классу, хотя обратное утверждение (все рабочие являются работниками наемного труда) вполне справедливо. Тенденции усложнения структуры наемного труда, появление наукоемкого производства, высокотехнологичных сфер сервиса, рост сектора социального сервиса – все это не в последнюю очередь связано с глобальными вызовами мировых рынков труда. Глобальные экономические трансформации вызывают перемены и в социальной структуре, к числу глобальных закономерностей можно отнести смещение большинства наемных работников из сферы материального производства (промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и т.п.) в сферу услуг, сервиса. Вместе с тем, в динамике социальной структуры есть и значительные отличия от общемировых, глобальных тенденций. Так, за последние полтора десятка лет более чем в 2 раза увеличилось число властного и управленческого слоя. В социальной структуре российского общества это самый быстрый рост какой-либо социальной группы. Рост управленческого слоя, как на уровне государственного управления, так и в отдельной организации меняет содержание трудовых отношений, оказывает существенное влияние на общее социальное самочувствие, уровень напряженности в обществе.

Выводы

Большинство зарубежных исследователей рабочего класса по-прежнему занимает критическую левую позицию по отношению к существующему капиталистическому порядку, стараясь сгладить его противоречия путем интеграции коллективных усилий как представителей исследуемой группы, так и академического сообщества. Этнографические, партисипаторные и акционистские исследования, предполагающие активное участие в жизни и повседневных практиках сообществ, образовательную деятельность и гражданский активизм, нацелены на минимизацию последствий социального неравенства и борьбу с социальной несправедливостью.

Формирование новой социальной структуры российского общества связано с доминированием частной собственности, изменением сущности и форм наемного труда. Наиболее очевидным структурным элементом современного общества стал

класс собственников, формирование этого класса практически завершено. Чрезвычайная детализация критериев, некритическое объявление среднего класса основой российского общества, базовой частью его социальной структуры привело к размыванию, высокой степени неопределенности статификационной модели нашего общества начала XXI века. В целом, о завершенности формирования социальной структуры современной России говорить преждевременно, аморфность, неустойчивость элементов и связей между ними не позволяют определить её модель.

Социальный статус и роль российского рабочего класса принципиально отличается от положения советского рабочего класса. В советское время рабочий класс позиционировался как «ведущая сила общества», источник всех прогрессивных общественных преобразований и даже критерий общественной морали. Современный российский рабочий класс представляет собой социальную общность наемных работников, подвергающийся различным формам депривации и отчуждения. Несформированность классового сознания, прекаризация трудовых отношений нивелируют возможности повышения социальной роли нового рабочего класса.

Библиографический список

Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., Akademia, 2001.

Гаврилюк Т. В., Бочаров В. Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018, № 16 (3). С. 537–545.

Жевтиашвили А. Ш. Классовые схемы современного общества в западной социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2017, № 1. Т. 5. С. 7–23.

Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997, № 2. С. 5–23.

Карханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Труд и досуг рабочих: программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования. М.: Институт социологии РАН, 2014 [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН: [веб- сайт]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224> (дата обращения: 20.11.2019).

Молодежь нового рабочего класса современной России: Коллективная монография / под ред. Т. В. Гаврилюк. М.: ФЛИНТА, 2019.

Социальное пространство российских регионов / под. ред. З. Т. Голенковой. М.: ИС РАН, 2017. 256 с.

Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Allen T. W. Class Struggle and the Origin of Racial Slavery: The Invention of the White Race. NY: Stony Brook, 2006.

Beck U. Risk society. London: Sage Publications, 1992.

Bettie J. Women Without Class: Girls, Race and Identity, first and second editions University of California Press, Berkeley, 2014.

Boltanski L., Chiapello E. The new spirit of capitalism. London; New York: Verso, 2007.

Clark T. N., Lipset S. M. Are Social Classes Dying? // International Sociology, 6(4), 1991. P. 397–410.

Culture, Class, Distinction / T. Bennett, M. Savage, E. Silva, A. Warde, M. Gayo-Cal, D. Wright. London: Routledge, 2009.

Global Wealth Databook. Credit Suisse Research institute, 2018 [Электронный ресурс] // [веб-сайт]. URL: <https://publications.creditsuisse.com/?referralUrl=http://publications.creditsuisse.com/index.cfm/publikationen-shop/research-institute/global-wealth-databook-2018-en/> (дата обращения: 17.12.2018).

Gorz A. Strategy for Labour. Boston: Beacon Press, 1967.

Linkon S. L., Russo J. Twenty years of working-class studies: Tensions, values, and core questions // Journal of Working-Class Studies. 2016. Vol. 1, Issue 1. P. 4–13.

Malik S., Barr C., Holpuch A. US millennials feel more working class than any other generation [Электронный ресурс] // The Guardian (US). 16 March 2016: [веб-сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/15/us-millennials-feel-more-working-class-than-any-other-generation> (дата обращения: 8.09.2018).

Mallet S. The New Working Class. Nottingham: Spokesman books, 1975.

Pakulski J., Walters M. The Death of Class. London: Sage, 1996.

Roberts S. Boys Will Be Boys. Won't they? Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities // Sociology. 2012, 47(4). P. 671–686.

Roediger D. More than Two Things: The State of the Art of Labor History. In Russo J. and Linkon S. L. (eds) New Working-Class Studies. Cornell: ILR Press, 2005. P. 32–41.

Shalev M. Class Divisions among Women // Politics & Society. 2008. Vol. 36. № 3. P. 421–444.

The Wages of Whiteness: Race and the Making of the American Working Class. Verso, New York, 2007.

Walley C. Exit Zero: Family and Class in Postindustrial Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2013.

Zandy J. Calling Home: Working-Class Women's Writings, an Anthology, Rutgers University Press, New Jersey, 1993.